

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 353–372, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 314.15:316.422(47+57)(575)
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования

Татьяна Владимировна Излученко^{1, 2}, Денис Николаевич Гергилев^{3, 4},
Павел Николаевич Дудин⁵, Дарья Николаевна Нестеренко^{6, 7}

¹ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент

² Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko[at]mail.ru

³ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

⁴ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заведующий кафедрой

 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak[at]yandex.ru

⁵ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com

⁶ Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший преподаватель

⁷ Красноярский научный центр СО РАН (д. 50, ул. Академгородок, 660036 Красноярск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0009-0005-1349-7292. E-mail: d.n.matveeva[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Дудин П. Н., Нестеренко Д. Н., 2025

Аннотация. Введение. В статье исследуется миграционная система, сложившаяся на рубеже XX–XXI вв. между Россией и государствами Центральной Азии. Российский социум традиционно связывает трудовую миграцию со взаимодействием между народами бывшего Советского Союза. Однако в последнее время отмечается секьюритизация миграции. Дальнейшее нарастание негативного отношения может привести к игнорированию ресурсной значимости миграции. Она заключается в поддержании геополитического влияния в регионе и социально-экономическом развитии России. Целью статьи является определение модели исследования миграции, которая наиболее оптимально отражает трансформационные изменения в миграционной системе «Россия – Центральная Азия». Она необходима для конструктивного регулирования миграционных процессов и распределения миграционных потоков. Материалы и методы. Данные были получены из информационно-аналитических материалов Федеральной службы государственной статистики России, Министерства внутренних дел России, Международной организации по миграции, Национального статистического комитета Кыргызской Республики и Базы данных интерактивных исследований. Миграция рассматривалась в рамках сетевого подхода и акторно-сетевой теории, что позволило включить материальные и нематериальные акторы и описать трансформационные изменения, их специфику и вариативность. Результаты. Изменения в миграционной системе Россия – Центральная Азия обусловливаются следующими моментами. Первый — переориентация во внешней политике центральноазиатских республик на Ближний Восток, Европу, Северную Америку и Восточную Азию. Второй — усиливающееся санкционное давление и падение курса рубля. В России сложилась тенденция к натурализации старого, родившегося в советское время, и сегрегации нового, родившегося после провозглашения независимости бывших республик Советского Союза, поколения мигрантов. На выбор страны прибывания влияние усиливают неэкономические факторы, такие как экология, социальное обеспечение, межнациональное согласие и доступность миграционных коридоров. Авторы указали позитивные составляющие международной миграции. Трудовая миграция позиционируется необходимым ресурсом для социально-экономического развития современной России. Отмечаемое в публичном пространстве негативное влияние мигрантов на российский социум не имеет объективных оснований. Однако миграция обостряет социетальные риски. Граждане Центральной Азии воспринимают Россию в качестве наиболее оптимального с экономической стороны пункта назначения для трудовой деятельности. Историко-культурная близость, общая историческая память и схожие традиции перестают иметь первоочередное значение. Выводы. Проведенный анализ моделей миграционных процессов, а также современного положения миграционной системы «Россия – Центральная Азия» обосновывает эффективность использования акторно-сетевой теории. Она позволяет включить в моделирование и подчеркнуть важность материальных и нематериальных, природно-климатических, когнитивных составляющих миграции.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, трудовая миграция, миграционная система, возвратные мигранты, миграционные коридоры, натурализация, сегрегация, миграция как ресурс, акторно-сетевая теория

Для цитирования: Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Дудин П. Н., Нестеренко Д. Н. Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 353–372. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

Transformation of the Russia–Central Asia Migration System amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling

Tatyana V. Izluchenko^{1,2}, Denis N. Gergilev^{3,4}, Pavel N. Dudin⁵, Daria N. Nesterenko^{6,7}

¹ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

² Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Senior Research Associate

 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko[at]mail.ru

³ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

⁴ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Head of Department

 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak[at]yandex.ru

⁵ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com

⁶ Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Assistant Lecturer

⁷ Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (50, Akademgorodok St., 660036 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Lecturer

 0009-0005-1349-7292. E-mail: d.n.matveeva[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Izhuchenko T. V., Gergilev D. N., Dudin P. N., Nesterenko D. N., 2025

Abstract. *Introduction.* The article examines the migration system that has taken shape between Russia and Central Asian states at the turn of the twenty first century. Russian society traditionally associates labor migration with interactions between former Soviet populations. However, recent times have witnessed somewhat a securitization of migration. A possible increase in negative attitudes may lead to ignoring the significance of migration as a needed resource instrumental in maintaining Russia's geopolitical influence across the region and boosting its socioeconomic development. *Goals.* The article attempts to determine a migration research model that would closest reflect actual (and supposed) changes in the Russia–Central Asia migration system—for efficient regulation of migration processes and distribution of migration flows. *Materials and methods.* The analyzed facts and figures have been borrowed from resources of the Federal State Statistics Service of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, International Organization for Migration, National Statistical Committee of Kyrgyzstan, and online research databases. Migration has been considered within the network approach and actor-network theory, which makes it possible to include all material and non-material actors to describe certain transformational changes, their specifics and variability. *Results.* Shifts in the Russia–Central Asia migration paradigm are caused by a variety of factors as follows: 1) Central Asian republics tend to reorient their foreign policies toward the Middle East, Europe, Americas, and East Asia; 2) The sanctions pressure keeps growing, and ruble exchange rates keep falling. Furthermore, Russian society is experiencing a trend of naturalizing Soviet-born and segregating post-Soviet-born Asian migrants. Meanwhile, the choice of a host country increasingly depends on non-economic factors, such as ecology, social security, interethnic harmony, and availability of migration corridors.

The paper also identifies some positive components of international migration. Labor migration is positioned as a necessary resource for the socioeconomic development of contemporary Russia. The publicly proclaimed negative impacts of migrants on Russian society prove objectively groundless. However, migration may (and sometimes does) exacerbate societal risks. Central Asian laborers still perceive Russia as a most economically optimal destination, even given that historical and cultural proximities, shared historical memories, and similar traditions are no longer of primary importance. *Conclusions.* The conducted analyses of migration process models and the current state of the Russia–Central Asia migration system justify the use of actor-network theory that — for modeling purposes — involves (and emphasizes the significance of) material and non-material, natural-climatic, and cognitive components of migration.

Keywords: Russia, Central Asia, labor migration, migration system, return migrants, migration corridors, naturalization, segregation, migration as a resource, actor-network theory

For citation: Izluchenko T. V., Gergilev D. N., Dudin P. N., Nesterenko D. N. Transformation of the Russia–Central Asia Migration System amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 353–372. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372

1. Введение

В современной России доля граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана¹, Туркмении и Узбекистана составляет около 60 % от общего числа международной миграции и 72 % — из Содружества независимых государств (далее — СНГ) [Численность и миграция 2023]. Можно говорить о существовании миграционной системы «Россия — Центральная Азия». Традиционно основные потоки миграции из государств Центральной Азии (далее — ЦА) связывают с активным взаимодействием между культурами и народами на постсоветском пространстве. Однако в последнее время все чаще проявляется западная тенденция, согласно которой миграция позиционируется как негативное последствие политики мультикультурализма. В публичном пространстве мигранты все чаще представляются угрозой национальной и социальной безопасности. Это провоцирует развитие мигрантофобии и игнорирование ресурсной значимости миграции для устойчивого развития современной России и укрепления ее геополитического влияния в регионе. Дихотомичный характер сложившейся ситуации можно объяснить отсутствием единого научно-исследовательского подхода, раскрывающего специфику современной миграции и позволяющего прогнозировать

¹ Ранее была проанализирована трудовая миграция в Великобританию [Рязанцев и др. 2024].

направления миграционных потоков. Безрезультатное применение существующих моделей (неклассической, двухтактной, двойного рынка труда, сетевой, миграционных систем и др.) в политической сфере способствует концептуальному эклектизму и провоцирует ощущение относительной депривации как у принимающей стороны, так и прибывающей.

Изменившийся за последние три десятилетия характер международных отношений и новые тенденции в миграционном движении требуют актуализации миграционного законодательства в соответствии с вызовами времени. Для предотвращения роста социальной напряженности и экономических издержек необходимо разработать эффективные принципы моделирования миграции, которые учитывали бы трансформации между Россией и ее основными донорами — государствами ЦА. Цель нашей работы — определить модель исследования миграции, которая наиболее точно отражает динамику миграционных процессов между Россией и ЦА. Полученные данные позволяют сформулировать конструктивные теоретико-методологические основы и практические рекомендации для объективного описания, объяснения и прогнозирования миграционных изменений, а также обеспечить эффективное управление миграционными процессами.

2. Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели использовался широкий спектр ресурсов: статистических, аналитических и исследовательских. Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики России и ее региональных отделений, а также Национального статистического комитета Кыргызской Республики предоставили данные по международной миграции — миграционный прирост, численность, гражданство, время проживания, половозрастной состав, образование, причины, включая данные и по возвратной миграции. Статистические сведения Министерства внутренних дел России отражают результаты проводимых правоохранительными органами комплексных мер по регулированию миграционных процессов. Аналитические заметки и материалы Базы данных интерактивных исследований (Migration Research Hub by IMISCOE) позволили выявлять тенденции в изучении миграции и проверять их когерентность. Миграционные настроения и динамика потоков населения центральноазиатского региона отражаются в матрицах отслеживания перемещения (Displacement Tracking Matrix) Международной организации по миграции (International Organization for Migration) (далее — IOM).

Миграция исследуется в рамках сетевого подхода, который способствует выявлению структурных компонентов и взаимосвязей миграционной системы как сети. Принцип сетевизации служит эффективным основанием для стратегического управления, обеспечивая достижение соответствующих целей и потребностей акторов через обмен различными ресурсами, такими как капитал, информация, технологии, культурные нарративы. Акторно-сетевая теория (ANT) применяется как методология и теория в широких тематических исследованиях [Saleem, Raza 2024: 29]. Она выступает набором эмпирических вмешательств и практикой исследования непредвиденных обстоятельств, которая направлена на постепенное получение результатов и создание аналитических контекстов [Law, Singleton 2013]. Миграция представляется как единый целостный объ-

ект, имеющий многообразные типы связей и компоненты различного уровня, которые обусловлены межрегиональными и локальными процессами. Акторно-сетевая теория описывает развитие процесса, учитывая социальные, экономические, экологические и временные изменения [Aka 2025]. Основной задачей является установить связи между материальными и нематериальными акторами в целостном процессе.

3. Результаты

3.1. Миграционная система России — Центральной Азии

Согласно отчетам IOM, Матрицам отслеживания перемещений (Displacement Tracking Matrix), Россия является одним из двадцати крупнейших пунктов назначения мигрантов в мире. Основным миграционным коридором для России выступают государства ЦА, которые позволяют относительно свободно перемещаться как своим, так и гражданам соседних стран транзитом. Созданные миграционные коридоры стимулируют рост трудовой миграции из центральноазиатских территорий с высоким уровнем рождаемости и низким количеством рабочих мест в регионы России с промышленным производством и низкой плотностью населения. Так, Енисейская Сибирь (Красноярский край, Республики Хакасия и Тыва) занимает более 15 % территории России. В 2019 г. доля в общем объеме промышленной продукции составила 3,9 %, налогов в федеральный бюджет — 3,2 %, а доля населения — всего 2,5 %. Красноярский край, являющийся крупнейшим хозяйственным субъектом региона, увеличивает или поддерживает на высоком уровне год к году темпы промышленного и сельскохозяйственного прироста. Например, в 2024 г. индекс обрабатывающего производства составил 101,5 %, строительство — 112,8 %, оборот общественного питания — 110,3 %, а грузовой оборот увеличился на 3,5 %. Уровень безработицы снизился до 1,5 %. При этом сохраняется естественная убыль населения [Социально-экономическое 2024]. Вклад в экономику в 1,2–1,6 раза превышает его долю в населении [Безруков 2022: 47].

Выходцы из государств ЦА прибывают в регион преимущественно для осуществления трудовой деятельности. В 2021 г. их доля составила 73 % от общего числа международных мигрантов в Красноярском крае [Социально-экономическое 2023].

Несмотря на сложную геополитическую обстановку вокруг России, она продолжает оставаться основным миграционным направлением. По данным Всемирного банка, экономики Кыргызстана и Таджикистана более чем на 30 % детерминированы денеж-

ными переводами из России. По достоверным сведениям изменения в трудовой миграции можно проанализировать только с 2019 г. (табл. 1). Ранее лица, способные указать при въезде в Россию «работу» в качестве цели поездки, в статистике не выделялись. Согласно представленным сведениям процент трудовых мигрантов неизменно составляет около половины от общего числа. Исключением являются Казахстан и Туркмения. При этом последняя на протяжении нескольких лет демонстрирует резкий рост именно трудовых мигрантов.

Таблица 1. Численность трудовых мигрантов из государств ЦА от общего количества, в %
[Table 1. Shares of Central Asian labor migrants, %]

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	4,6	3,7	3,7	4,6	4,5
Кыргызстан	58	52	67	64	63
Таджикистан	55,4	59	65	62	55
Туркмения	1,3	1,8	0,2	6	3,2
Узбекистан	56,9	57,3	73	70	64

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

Безусловно нельзя утверждать, что возникшие политические и экономические сложности не повлияли на миграционные предпочтения. В опросе ЮМ в конце 2022 г. возвратных мигрантов Кыргызстана о причинах возвращения 21 % заявили о Специальной военной операции (далее — СВО) и мобилизации, 20 % — об ухудшении экономической обстановки из-за санкций [Baseline 2022: 6]. В октябре 2024 г. среди возвратных мигрантов Кыргызстана относительно причин возвращения по шкале от 0 («не применимо») до 5 («очень важно») наиболее зна-

чимой оказалась причина «семейные дела». Обесценивание российского рубля, частичная мобилизация и экономические санкции, введенные против России, набрали 2,3, 2,2 и 1,9 балла соответственно [Кыргызстан 2024: 9]. На данный момент скорее ограниченность миграционных коридоров из ЦА в Европу и страны Арабского Востока, языковые и законодательные барьеры подталкивают выбор в пользу России. Численность прибывших неуклонно растет, но с разной степенью интенсивности, причинами чего стали пандемия COVID-19 и начало СВО (табл. 2).

Таблица 2. Миграционный прирост из государств ЦА год к году, в %
[Table 2. Year-by-year migration growth from Central Asian countries, %]

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан	102	101	32	100,2	175	127
Кыргызстан	102	111,5	31	237	122	132
Таджикистан	98,6	117,6	25,4	145	160	136
Туркмения	126	112	23	35	455	339
Узбекистан	100,2	110	28	202	141	152

Источники: [Численность и миграция 2018; Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2020; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

Однако цифры движения трудовой миграции из ЦА неуклонно свидетельствуют о наметившейся диверсификации направлений в государства Европейского союза, Катар и Объединенные Арабские Эмираты (далее — ОАЭ), Турцию [Рахимов, Моргунова 2024: 524]. Так, в 2019 г. Министерство занятости и трудовых отношений Узбекистана заявило, что намерено увеличивать число трудовых мигрантов в ОАЭ до 1 млн. Россия остается основным местом назначения граждан из ЦА, но структура мобильности меняется, отмечается увеличение трудовой миграции в Европейский союз и

Азию (табл. 3). С 2016 г. по 2019 г. на 14 % увеличилось число граждан, получивших разрешение на учебу, работу и проживание в Европе. На 92 % (с 10 800 до 20 700 чел.) выросло число граждан Узбекистана и Казахстана, направившихся в Южную Корею. Все большее количество переезжает в другие части Азии, например в Турцию [McAuliffe, Ocho 2024: 77]. В 2009 г. из 330 300 чел. отсутствующих 1 год и более с территории Киргизстана насчитывалось вне стран СНГ 7 400 чел. [Перепись 2009: 34], а в 2022 г. из 199 409 чел. — уже 17 449 чел. [Перепись 2024: 15–16].

Таблица 3. Выбывшие с территории Киргизстана на постоянной основе, чел.

[Table 3. Natives of Kyrgyzstan naturalized in other states, indiv.]

Страны / год	2019	2020	2021	2022	2023
Число выбывших всего,	7 560	5 822	8 998	6 527	4 610
в том числе в СНГ	7 314	5 649	8 583	6 193	4 269
Германия	96	80	214	154	132
Россия	5 335	3 792	6 066	4 573	3 046
США	51	7	25	44	96
Узбекистан	555	161	81	72	45
Украина	13	10	11	45	28

Источник: [Перепись 2024].

На миграционное решение, оценку мобильности влияют климатические и экологические условия, которые нередко игнорируются при моделировании миграционных движений. В ЦА наблюдается изменение климата, которое представляет серьезную угрозу для жизни и средств к существованию. В течение нескольких десятилетий наблюдается сокращение площади ледников, что приводит к таянию снежных покровов. Это в свою очередь становится причиной стихийных бедствий, таких как наводнения и оползни, нехватки питьевой воды. Трансграничные проблемы, связанные с управлением водными ресурсами, в частности между Киргизстаном и Таджикистаном, усугубляют ситуацию и приводят к росту напряженности и вооруженным столкновениям. Данные по обоснованию смены жительства и гражданства России демонстрируют значимость не только семейных, личных причин, но влияние нематериальных, социальных и природных факторов (табл. 4).

Приведенные сведения указывают на то, что в основе современной трудовой миграции в Россию находится не культурно-исторический фактор, а экономические условия, обусловленные оптимальным на данный момент времени уровнем затрат, свидетельством чего можно отметить увеличение интенсивности возвратной миграции и укоренение в сознании граждан центральноазиатских республик восприятия России именно в качестве трудовой и образовательной возможностей. В самой России укрепляется тенденция к натурализации старого, родившихся в советское время, поколения мигрантов и сегрегации нового, родившегося на рубеже веков. Первые стремятся приобщиться к культуре принимающей стороны (язык, образование), закрепиться в регионе пребывания посредством социальных сетей (диаспор, национально-культурных сообществ) и получить гражданство. В то время как молодое поколение относится к прибы-

Таблица 4. Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства и гражданству России, чел.
 [Table 4. Migrants aged 14 years and older by reasons of relocation and Russian citizenship, indiv.]

Назначение причины	2019			2020			2021			2022			2023		
	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.	Приб.	Выб.	Приб.								
Всего	399 473	278 744	308 852	336 601	324 534	145 896	356 650	496 928	265 504	307 486					
учеба	39 017	3	27 486	14	31 768	7	31 960	2	27 170	—					
работа	153 547	76	116 491	34	133 464	36	119 837	32	105 583	9					
возвращение к прежнему месту жительства	3 012	18	1 833	17	1 601	6	1 460	8	903	5					
обострение межнациональных отношений	8 558	13	2 250	—	924	1	6 694	—	897	—					
обострение криминогенной обстановки	2 367	1	750	1	472	—	1 158	—	154	—					
экологическое неблагополучие	237	—	164	—	125	—	174	—	143	—					
несоответствие природно-климатическим условиям	296	1	309	2	239	—	270	1	197	—					
личного, семейного характера	154 190	225	125 740	251	128 111	106	152 345	25	110 538	19					

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

ванию в России как временной и вынужденной мере, что обуславливает нежелание адаптироваться и нередко приводит к нелегальному статусу.

3.2. Трудовая миграция как ресурс социально-экономического развития

Отношение к мигрантам в современном российском обществе имеет ярко выраженный противоречивый характер как в повседневной жизни, так и в публичных заявлениях. Социальные настроения, все чаще проявляющиеся в мигрантофобии и частично отражающиеся в миграционном законодательстве, вступают в противоречие с экономическими и политическими реалиями. Согласимся с И. Ивахнюк, что секьюритизация миграции, публичные заявления о необходимости ограничения миграции или даже ее полного запрета, построение моделей негативных последствий миграции демонстрируют некомпетентность населения в вопросах экономического развития. Ключевой стратегической задачей России выступает устойчивое экономическое развитие, которое не может быть реализовано в условиях текущей демографической обстановки и которое требует социально-политической стабильности, минимизации ксенофобских настроений и снижения конфликтогенности [Ивахнюк 2017: 79].

С одной стороны, местное население с настороженностью относится к иностранцам, отличающимся по внешнему виду, языку и религии. Мигранты воспринимаются угрозой социальной безопасности, сохранению местной, автохтонной, культурной идентичности. Современные трудовые мигранты из ЦА не являются носителями русской культуры и языка, чем ставят «под угрозу сохранение социально-культурных ценностей нашей страны» [Donskaya 2020: 30]. Однако предвзятое отношение может привести к развитию культурного национализма [Roe 2019: 221–235]. В экономическом плане мигранты представляются конкурентами на рынке труда, из-за низкой стоимости часов работы которых снижается общий размер оплаты. В. А. Прохода подчеркнул, что такая позиция характерна для нестабильной экономики России, вынуж-

денной противостоять санкциям. Россияне опасаются культурного обособления иностранцев. Ими в числе основных вызывающих неприязнь характеристик отмечается несоблюдение обычаев и бескультурное поведение [Прохода 2020: 75–76].

В свою очередь в миграционных кругах это провоцирует создание национальных анклавов, в которых объединяются лица, не желающие интегрироваться и культивирующие радикальные интерпретации этнических и религиозных норм. Для современных молодых мигрантов характерна высокая мобильность, которая стимулируется глобальным рынком и развитой системой мировой логистики. Интеграция представляется им слишком ресурсозатратной деятельностью с временным позитивным эффектом. Изучение языка и приобщение к культуре принимающего социума становятся излишними в условиях свободного межграницного перемещения.

С другой стороны, миграция является необходимым социально-экономическим ресурсом. В условиях экономической глобализации она способствует экономическому развитию и конкурентной борьбе за носителей качественного человеческого капитала. Россия в этом процессе сталкивается с оттоком высококвалифицированных кадров [Джойс, Симаков 2022: 103] и притоком низкоквалифицированных работников. Такое негативно воспринимаемое, на первый взгляд, положение согласуется с логикой распределения миграционных потоков. Для России значимыми являются показатели стабильного промышленного и технологического прироста, что в условиях низкой автоматизации производства формирует спрос на дешевую рабочую силу. В условиях налогенных внешних экономических и политических ограничений миграция из государств ЦА обладает наибольшим ресурсным потенциалом. Именно она способна обеспечить производительность трудоемких отраслей промышленности и заполнение ниш на рынке труда, неинтересных для местного населения.

Однако бесконтрольная миграция только повышает нагрузку на социальную систему (здравоохранение, образование), тем самым

увеличивая финансовые затраты принимающего государства и не восполняя дефицит рабочей силы в требуемых отраслях производства. В связи с этим мигранты начинают позиционироваться уже угрозой национальной безопасности. Основные проблемы, связанные с нелегальной миграцией, сводятся к следующим моментам. Первый, неравномерное распределение мигрантов, их концентрация в густонаселенной Центральной части России создают ложное представление о нехватке рабочих мест. Второй, криминальная деятельность мигрантов, в том числе террористической направленности. Третий, радикализация и русофobia, антироссийские настроения среди мигрантов [Пименов, Молчанова 2024: 38–39]. Для укрепления правопорядка в сфере миграции Министерством внутренних дел России реализуется комплекс мер. Его результатом стало в 2024 г. снижение иностранной преступности. Доля таких преступлений составила 4,3 % от общего числа, а количество совершенных мигрантами преступлений сократилось на 2,6 %, число привлеченных к ответственности снизилось на 3,8 % [Аналитическая справка 2024].

Среди широкой общественности и даже в научном сообществе популярна идея, что миграция из государств с более высоким коэффициентом рождаемости способна компенсировать естественную убыль местного населения и неравномерное его распределение по субъектам России, а также в перспективе способствовать увеличению численности за счет постоянного проживания и укрепления семейно-брачных связей. Однако результаты проведенного анализа демографических данных Е. В. Тонких показывают, что вклад центральноазиатских граждан в рождаемость России составляет около 1 % [Тонких 2024: 257]. Кроме того, в России наблюдается значительное неравенство между регионами по качеству жизни и уровню благосостояния, вызываемое разным уровнем социально-экономического развития макрорегионов. Следовательно, рождаемость также является неоднородной. При общем повышении рождаемости среди мигрантов их доля остается небольшой и не компенсирует естественную убыль населения.

Так, в период 2011–2023 гг. всего 2,7 % матерей и 2,5 % отцов являлись иностранцами [Тонких, Пешкова 2025: 55]. На наш взгляд, во многом такой низкий показатель связан со сменой репродуктивной стратегии мигрантов и ростом возвратной миграции. Ситуацию усугубляют наметившаяся тенденция на феминизацию миграции и отмечаемая маргинализация, ведущая к отказу от традиционных этнокультурных ценностей в пользу свободных отношений.

3.3 Миграция как ресурс для международного сотрудничества

Миграционная система складывается между некоторыми государствами и характеризуется масштабными, интенсивными и устойчивыми миграционными связями. Эффективность ее функционирования определяется наличием и отлаженностью работы миграционных коридоров, которые представляют собой территории, служащие буферными зонами [Рязанцев и др. 2020: 5]. Процессы, происходящие в миграционной системе, оказывают влияние на всех включенных акторов, принимающую сторону и стран-доноров. Они приводят к перераспределению человеческого капитала, финансовых потоков, корректировке миграционных коридоров и демографическим изменениям. Внешняя миграция представляет сложную взаимосвязь потенциальных рисков «утечки мозгов» и возможностей для возвращения этих ресурсов в страну с более высоким человеческим капиталом. Многим миграция позволяет получить ценные знания и навыки, которые могут быть использованы для развития ключевых секторов экономики на родине. Необходимо разрабатывать региональные программы развития, формирующие привлекательность для миграционных потоков и направленные на возвращение человеческого капитала [Blanco-Moreno 2024].

Посредством миграции государство может оказывать влияние на регионы, из которых прибыли мигранты, используя технологии «мягкой силы» на geopolитическом пространстве. Согласно теории мировых систем, регулирование трудовой миграции Россией в отношении ЦА позволит получить новые дипломатические рычаги вли-

яния и укрепить свое центральное положение, создавая благоприятную ситуацию на периферии [У 2024: 277]. Благодаря существующей три десятилетия и развивающейся миграционной сети Россия демонстрирует свое присутствие и влияние в регионе другим геополитическим игрокам (США, Великобритания, Турция). Она остается ведущим партнером по финансовым и технологическим вопросам, определяет объемы денежных поступлений и повышение человеческого капитала. Последнее осуществляется не только в результате возвратной трудовой миграции, но и вследствие реализации образовательных программ. Граждане центральноазиатских республик имеют возможности обучения в российских учебных заведениях¹. Россия также осуществляет подготовку высококвалифицированных кадров на территории ЦА, выступая учредителем и организуя межвузовское сотрудничество. Например, в целях укрепления культурно-гуманитарного сотрудничества и расширения совместного научно-образовательного пространства Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) в 2023 г. запустил открытый образовательный ресурс для Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина и Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Укреплению миграционной системы «Россия – Центральная Азия» способствуют международное сближение в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и экономическая стратегия развития свободы движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. ЕАЭС выступает единой платформой, на которой действуют конкретные нормы и правила эффективного регулирования трудовой миграции. Это позволяет координировать государствам-участникам перемещение рабочей силы, а также согласовать ответы на миграционные вызовы: здравоохранение и финансовая грамотность мигрантов, несоответствие спроса и предложения на квалифицированных работников, несовершенство цифровых продуктов.

¹ Вместе с тем появились и новые направления для учебной миграции молодежи Таджикистана [Рязанцев и др. 2023].

Таджикистан, Туркмения и Узбекистан стремятся включиться в данное экономическое пространство для реализации своих социально-экономических потребностей [Delovarova, Sultanmuratov 2023: 84]. Наличие двусторонних соглашений в области миграции и безвизового режима, Договора об ЕАЭС обеспечивают практически беспрепятственное перемещение населения ЦА и социальные гарантии трудовым мигрантам. В отличие от этого с другими принимающими сторонами (ОАЭ, Турция, Республика Корея) у государств ЦА либо отсутствуют договоренности, либо они имеют ограниченный, квотируемый, характер.

Миграционный прирост наглядно демонстрирует различия центральноазиатских республик в отношении проводимой Россией внешней и внутренней политике. Наиболее значительные колебания отмечаются среди граждан Кыргызстана и Узбекистана, в то время как численность граждан Туркмении постепенно увеличивается (табл. 5).

3.4. Модели исследования миграции

В настоящее время необходимы оптимизация законодательства и повышение эффективности мер в миграционной сети Россия – Центральная Азия. Разработка наиболее оптимальной модели миграции позволит оценить реальные возможности и риски миграции, а также выявить ресурсоемкость миграции для России. Организация трудовой миграции должна учитывать потребности производства и возможности рынка, а также опираться на единые критерии и подходы к миграционному регулированию. Существующее теоретико-методологическое многообразие свидетельствует об актуальности миграционной проблематики для экономических, политических, исторических и социологических научных изысканий.

С конца XX в. популярность получили сетевые принципы для объяснения миграционных движений. Так, А. Нагурни разработала модель сетевого равновесия, рассматривающую миграцию как пространственную проблему наравне с транспортными сетями и ценовым равновесием. В ее основе находятся учет мигрантов, затрат

Таблица 5. Соотношение численности прибывших и убывших граждан из ЦА в Россию, в цел.
 [Table 5. Numbers (ratio) of Central Asian migrants that arrived in or left Russia, indiv.]

Наименование	2019			2020			2021			2022			2023		
	Приб.	Выб.	Миг. пр.												
Казахстан	4 324 856	4 272 092	1,2 %	1 426 727	1 425 436	0,9 %	1 429 403	1 352 714	5,4 %	2 496 256	2 462 597	1,3 %	3 163 214	3 128 421	1,2 %
Кыргызстан	959 130	917 986	4,2 %	299 611	374 091	-25 %	711 240	529 985	25,5 %	866 165	924 820	-7 %	1 140 239	1 116 260	2 %
Таджикистан	1 577 148	1 495 863	5,2 %	401 888	401 599	0,07 %	986 341	530 487	46 %	1 582 149	1 463 265	7,5 %	2 153 956	2 034 296	5,5 %
Туркмения	92 616	82 968	10 %	21 680	19 466	10,2 %	7 686	6 077	21 %	25 850	19 228	26 %	87 651	49 624	43 %
Узбекистан	2 588 922	1 561 104	1,1 %	720 041	830 825	-15,4 %	1 453 415	1 011 015	30,4 %	2 098 730	2 114 785	-3,2 %	3 109 445	3 098 229	0,4 %

Источники: [Численность и миграция 2019; Численность и миграция 2021; Численность и миграция 2022; Численность и миграция 2023].

на перемещение и метод последовательного ослабления, при котором миграционные потоки уравновешиваются от одного места к другому до момента достижения баланса [Nagurney 1990: 79]. При дальнейшей работе модель дополнилась математическими вычислениями, в частности методом Эйлера, учитывающими наборы узлов, направляемых связей и маршрутов, функции полезности [Nagurney et al. 2020: 631]. Д. Питоски с коллегами обосновал использование сетевого анализа и регрессионных методов для выявления моделей миграции в различных географических масштабах, независимых переменных и стимулирующих миграцию факторов. Ими были предложены, помимо факторов удержания (отталкивающие от истоков) и выталкивания (притягивающие к конкретным местам назначения), связующие факторы, которые определяют миграционные направления [Pitoski et al. 2024: 35]. А. В. смирнов синтезировал сетевой подход с методами анализа коэффициентов интенсивности миграционных сетей и пространственной составляющей. Его результатом стало обозначение пяти устойчивых кластеров миграции в России, каждый из которых привязан к географическому расположению (Москва и Московская область — Запад, а Красноярск — Восток) [Смирнов 2024: 293].

Проблема сложившихся предпосылок и неявных материальных обоснований миграционного выбора разрешается в рамках агентно-ориентированной модели. Она допускает влияние социального взаимодействия и социальных сетей, благодаря которым определяются направления миграционных движений. Агенты представляются отдельными автономными объектами, которые способны принимать решения с использованием социальных процедур и правил. Сетевое взаимоотношение акцентируется на социальных контактах, обеспечивающих прирост социального капитала. При рассмотрении миграции учитываются также нематериальные факторы (культура и специфика личности), опыт и половозрастные особенности. Х. Адамс и С. Кей ввели понятие «порог миграции» (the migration threshold), которым определили компромисс

между потенциалом мобильности и полезностью места. Ими сопоставлены интерес человека к внешнему миру, оценка альтернатив и его удовлетворенность своим местом жительства, укорененность и привязанность к местности [Adams, Kay 2019: 136]. А. Клабунде и Ф. Виллекинс подчеркнули эвристичность методологии и возможность привлекать наиболее подходящие принципы других теорий: максимизация полезности, социальный капитал, планируемое поведение, намерение индивида, статистические данные. Агентно-ориентированная модель позволяет комбинировать процесс принятия решений с проверкой в лабораторных условиях и учитывать жизненные циклы агентов [Klabunde, Willekens 2016: 90–91].

Проблема понимания мобильности людей разрешается Х. Де Хаасом посредством структуры «стремление — возможности», которая формируется в соответствующей «культуре миграции». Он разграничивает инструментальные, заключающиеся в доступности средств для осуществления миграции, и внутренние, включающие непосредственное благоприятное влияние на индивида, аспекты миграции. Люди, морально готовые к миграции и обладающие мотивацией роста экономического, социального и других статусов, будут всегда стремиться к миграции. При этом повышение уровня жизни в местах отправления воспринимается ими как улучшение возможностей для переезда [Haas 2021: 8]. Безусловным вкладом теорий, акцентирующих внимание на когнитивной и психологической составляющей миграционного выбора, является указание на принятие решений, которые материально не обусловлены и не вписываются в традиционные экономические объяснения. Так, несмотря на перераспределение приоритетов в секторах экономики, падение курса рубля, санкционное давление и ужесточение миграционной политики после 2022 г., Россия остается основной принимающей стороной для граждан ЦА. Наличие сложившихся в постсоветский период национальных диаспор, положительный опыт возвратной миграции, отложенность миграционного коридора влияют на выбор. Повторно возвращающиеся трудовые мигран-

ты из Таджикистана (97 % иммигрируют в Россию), помимо наличия рабочих мест, (47 %) обозначили в качестве обоснования своего выбора легкий доступ, географическую близость (35 %), наличие социальных сетей (23 %), схожий язык и культуру (12 %), хорошее отношение (7 %) и социальное обслуживание (5 %) [Тоҷикистон 2024: 12].

Сетевой подход рассматривает миграционные процессы динамичными абстракциями, происходящими в определенных пространственно-временных характеристиках. Он позволяет выявить узлы и направления миграционных потоков, определить их интенсивность и состав в уже сформированной миграционной системе. Моделируемая миграционная сеть визуализирует процессы, на первый взгляд представляемые бессвязными и случайными, в виде четких структур, поддающихся математическим вычислениям. Однако описательная функция не способствует установлению причин и условий трансформаций в миграционной системе, возникновения новых направлений и тенденций в исторически сложившихся миграционных потоках.

Миграция является многосоставным социальным процессом, который характеризуется физическим перемещением людей с одной на другую территорию, вызывающим изменения в повседневной жизнедеятельности, социальном окружении и требующим адаптации к иной культуре, законодательству, ценностям и нормам. В этом процессе балансируют выталкивающие и притягивающие факторы; общая историческая память и культурные различия; добровольное действие и вынуждающие обстоятельства; временный характер и постоянное пребывание. На него влияют экономические, политические, социокультурные, географические и исторические факторы, а также вопросы продовольственной безопасности и климатические изменения. Поиск и сведение к единым принципам, причинам, следствиям и конструирование универсальных моделей представляется сложными исследовательскими задачами, при выполнении которых следует учитывать стремление людей получать больше возможностей и повышать качество жизни.

Моделирование миграции преследует цель объяснить наблюдаемые миграционные потоки и спрогнозировать их развитие. Рассмотренные выше модели направлены на исследование определенных проявлений миграции: финансы, экономическое и политическое неравенство, взаимосвязь факторов притяжения и отталкивания, социальные сети, коэффициент прироста населения, индивидуальные способности. Однако для описания сложившейся миграционной системы Россия – ЦА они представляются малоэффективными. Требуется модель, которая основывается не только на экономическом и политическом факторах, но и включает современные тенденции миграции и историческое наследие, международный опыт отношений между государствами, климатические, экологические и прочие жизненно важные условия.

На наш взгляд, при рассмотрении миграции конструктивным методологическим решением представляется применение акторно-сетевой теории. Помимо социальных взаимодействий и сложившихся социальных сетей, на выбор миграции влияют нематериальные (культура, религиозные убеждения, воспитание, образование, субъективные нормы и ценности) и материальные (климат, продовольственная безопасность, расстояние, уровень урбанизации, логистические пути) факторы. Геополитическая обстановка также создает предпосылки миграционным настроениям, актуализируются террористическая угроза и внутриполитическая ситуация в государствах прибытия и отбытия. Доступ к социальным услугам и механизмы социальной мобильности, схожесть традиций и общая историческая память являются значимыми элементами выбора и направления миграции. Миграционные процессы, включая механизмы возвратной миграции, смену профессии и семейного положения, уровня образования, объясняются сетевыми принципами взаимодействия всех акторов как разнородных элементов гетерогенной сети. Миграция представляется сетью, состоящей из материальных и знаковых (семиотических) связей.

4. Заключение

Миграционная система России – ЦА сложилась на рубеже ХХ–ХХI вв. и является крупнейшей в мире. За последнее десятилетие происходят трансформации, вызванные диверсификацией международных отношений, изменениями в глобальной экономике и финансовом секторе, логистике. Проведенный анализ позволил нам выявить следующее. Во-первых, российское общество вошло в фазу демографического развития, характерную для позднеиндустриальной модернизации. В условиях новой волны индустриализации, обусловленной геополитическими изменениями и глобализацией, возникает потребность в привлечении рабочей силы из ЦА. Во-вторых, Россия перестает восприниматься как сосед с общим историческим прошлым и схожими культурными ценностями. Она становится местом пребывания, оптимальным с экономической позиции, что подкрепляется существующими сложностями на других миграционных направлениях. В-третьих, старшее поколение трудовых мигрантов из ЦА стремится к интеграции в российское общество, получению гражданства и натурализации в качестве представителей многонационального народа России. В отличие от них молодое поколение демонстрирует низкий уровень адаптации, что связано с ориентацией на временное пребывание и ростом возвратной

миграции. В-четвертых, трудовая миграция является мощным и необходимым ресурсом для социально-экономического развития и политического влияния России. Существующие меры по контролю за миграционными процессами больше не отвечают требованиям безопасности. Миграция в силу своего многосоставного характера требует согласованного на внутри- и внешнеполитическом уровнях алгоритма действия всех вовлеченных участников, а также четко сформулированной миграционной концепции.

На миграционный выбор трудовых мигрантов из ЦА влияет множество материальных, логистических, юридических, культурных, социальных, когнитивных и климатических факторов. Для разработки адекватной политики необходимы комплексные исследования с использованием качественных и количественных методов, поиск оптимальных подходов в методологии. Использование акторно-сетевой теории позволит описать миграционные процессы через функциональное взаимодействие всех акторов и выявить структурные, реляционные связи, а также включить климатические и экологические факторы при прогнозировании миграционных потоков. Результатом такого подхода должна стать модель трудовой миграции, направленная на экономически обоснованное перераспределение трудовых ресурсов в миграционной системе России – ЦА.

Источники

Аналитическая справка 2024 — Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–октябрь 2024 года [электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/> (дата обращения: 21.02.2025).

Кыргызстан 2024 — Кыргызстан. Базовая оценка мобильности. Раунд – 4. Октябрь 2024 года [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/reports/kyrgyzstan-bazovaya-ocenka-mobilnosti-raund-4-oktyabr-2024?close=true> (дата обращения: 28.02.2025).

Sources

Ministry of Internal Affairs of Russia, regional departments for migration control: Analytical progress report, January – October 2024. On: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (website). Available at: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/> (accessed: 21 February 2025). (In Russ.)

Kyrgyzstan. Mobility Tracking. Baseline Assessment. Round 4. October 2024. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Displacement Tracking Matrix. Available at: <https://dtm.iom.int/reports/kyrgyzstan-bazovaya-ocenka-mobilnosti-raund-4-oktyabr-2024?close=true> (accessed: 28 February 2025). (In Russ.)

Перепись 2009 — Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. Книга I: Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц [электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/media/files/60f4f7ab-0560-45df-827f-020d1be12e15.pdf> (дата обращения: 03.03.2025).

Перепись 2024 — Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года. Книга II. Часть 3: Миграция населения Кыргызской Республики [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd1321/files/documents/2024-02/stat_kniga_finish_print.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

Социально-экономическое 2023 — Социально-экономическое положение Красноярского края в 2023 году. Доклад № 1.37.2 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45797#> (дата обращения: 20.02.2025).

Социально-экономическое 2024 — Социально-экономическое положение Красноярского края в 2024 году. Доклад № 1.37.2 [электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат). URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A\(2\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A(2).pdf) (дата обращения: 20.02.2025).

Тоҷикистон 2024 — Тоҷикистон. Таҳқиқот бо муҳочирони ба ватан баргашта даври 3-моҳи августи соли 2024 [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/tajikistan> (дата обращения: 28.02.2025).

Численность и миграция 2018 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 20.02.2025).

Kyrgyz Republic. 2009 Housing and Population Census. Book 1: Key Socio-Demographic Characteristics and Numbers of Housing Units. On: National Statistics Committee of Kyrgyzstan (website). Available at: <https://stat.gov.kg/media/files/60f4f7ab-0560-45df-827f-020d1be12e15.pdf> (accessed: 3 March 2025). (In Russ.)

Kyrgyz Republic. 2022 Housing and Population Census. Book 2. Pt. 3: Migration. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Kyrgyzstan. Available at: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd1321/files/documents/2024-02/stat_kniga_finish_print.pdf (accessed: 3 March 2025). (In Russ.)

Krasnoyarsk Kray, 2023: Socio-Economic Situation. Report no. 1.37.2. On: Federal State Statistics Service of Russia; Department for Krasnoyarsk Krai, Khakassia and Tyva (Krasnoyarskstat, website). Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45797#> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Krasnoyarsk Kray, 2024: Socio-Economic Situation. Report no. 1.37.2. On: Federal State Statistics Service of Russia; Department for Krasnoyarsk Krai, Khakassia and Tyva (Krasnoyarskstat, website). Available at: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A\(2\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2-12_%D0%9A%D0%9A(2).pdf) (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Tajikistan. Return Migration Survey. Round 3: August 2024. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Tajikistan. Available at: <https://dtm.iom.int/tajikistan> (accessed: 28 February 2025). (In Taj.)

Russian Federation, 2018: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Численность и миграция 2019 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2029 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 20.02.2025).

Численность и миграция 2020 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul-migr20.xlsx> (дата обращения: 20.02.2025).

Численность и миграция 2021 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (дата обращения: 20.02.2025).

Численность и миграция 2022 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2022.xlsx (дата обращения: 20.02.2025).

Численность и миграция 2023 — Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году [электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (дата обращения: 20.02.2025).

Baseline 2022 — Baseline Assessment and Surveys: Returning Migrant Workers in Kyrgyzstan Nov–Dec 2022 [электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://dtm.iom.int/kyrgyzstan> (дата обращения: 28.02.2025).

Russian Federation, 2019: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Russian Federation, 2020: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bul-migr20.xlsx> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Russian Federation, 2021: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Russian Federation, 2022: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2022.xlsx (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Russian Federation, 2023: Population and Migration. On: Federal State Statistics Service of Russia (website). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_migr_2023.xlsx (accessed: 20 February 2025). (In Russ.)

Baseline Assessment and Surveys: Returning Migrant Workers in Kyrgyzstan, November–December 2022. On: International Organization for Migration (UN Migration, website). Kyrgyzstan. Available at: <https://dtm.iom.int/kyrgyzstan> (accessed: 28 February 2025). (In Eng.)

Литература

Безруков 2022 — Безруков Л. А. Транспортно-экономические контрасты Енисейской Сибири // ЭКО. 2022. № 2. С. 47–67. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-47-67

References

Bezrukov L. A. Transport and economic contrasts of Yenisey Siberia. *ECO*. 2022. No. 2. Pp. 47–67. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-47-67

Джойс, Симаков 2022 — Джойс Э. А., Симаков А. А. Миграция и экономическая безопасность // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 101–105. DOI: 10.24411/1727-8058-2022-1-101-105

Ивахнюк 2017 — Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2025 года. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 82 с.

Пименов, Молчанова 2024 — Пименов Н. А., Молчанова Е. С. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности // Безопасность в современном мире. 2024. № 2(3). С. 37–43. DOI: 10.25629/SMW.2024.02.05

Прохода 2020 — Прохода В. А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2. С. 62–82. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472

Рахимов, Моргунова 2024 — Рахимов Д. Е., Моргунова О. А. Роль государственной политики стран Центральной Азии в формировании новых направлений трудовой миграции // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 5. С. 520–528.

Рязанцев и др. 2020 — Рязанцев С. В., Писменная Е. Е., Воробьева О. Д. Евроазиатский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 4. С. 5–18. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01

Рязанцев и др. 2023 — Рязанцев С. В., Писменная Е. Е., Рахмонов А. Х. Эмиграция молодежи из Таджикистана в страны Организации экономического сотрудничества и развития: история и современные тренды // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 6. С. 1418–1443. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443

Рязанцев и др. 2024 — Рязанцев С. В., Рахмонов А. Х., Писменная Е. Е. Новые направления трудовой миграции из Таджикистана: на примере Великобритании // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 489–501. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-489-501

Смирнов 2024 — Смирнов А. В. Межрегиональные миграционные потоки в России: сетевой подход // Alter Economics. 2024. № 21(2). С. 286–301. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7

Joyce E. A., Simakov A. A. Migration and economic security. *Audit Journal*. 2022. No. 1. Pp. 101–105. (In Russ.) DOI: 10.24411/1727-8058-2022-1-101-105

Ivakhnyuk I. V. Proposals to the 2025 Migration Strategy of Russia. Moscow: Center for Strategic Research, 2017. 82 p. (In Russ.)

Pimenov N. A., Molchanova E. S. Illegal migration as a threat to national security. *Safety in the Modern World*. 2024. No. 2 (3). Pp. 37–43. (In Russ.) DOI: 10.25629/SMW.2024.02.05

Prokhoda V. A. Migration as a threat to security of the accepting society: Peculiarities of perception of the native population. *National Security*. 2020. No. 2. Pp. 62–82. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472

Rakhimov D. E., Morgunova O. A. The role of state policy of Central Asian countries in the formation of new directions of labor migration. *Post-Soviet Studies*. 2024. Vol. 7. No. 5. Pp. 520–528. (In Russ.)

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Vorob'eva O. D. The Euro-Asian migration corridor: Theoretical aspects, assess the magnitude and key characteristics. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. 2020. No. 4. Pp. 5–18. (In Russ.) DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-01

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Rakhmonov A. Kh. Youth Migration from Tajikistan to OECD Member Countries: History and Present-Day Trends. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 1418–1443. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443

Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh., Pismennaya E. E. New Directions of Labor Migration From Tajikistan: The Case. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 489–501. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-489-501

Smirnov A. V. Interregional migration flows in Russia: A network approach. *AlterEconomics*. 2024. Vol. 21. No. 2. Pp. 286–301. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.7

Тонких 2024 — Тонких Е. В. Оценка влияния миграции из стран Центральной Азии на уровень рождаемости в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 6. С. 243–259. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13

Тонких, Пешкова 2025 — Тонких Е. В., Пешкова В. М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 49–56. DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5

У 2024 — У Л. Влияние фактора трудовой миграции на отношения между Россией и странам Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 277–282.

Adams, Kay 2019 — Adams H., Kay S. Migration as a human affair: Integrating individual stress thresholds into quantitative models of climate migration // Environmental Science & Policy. 2019. Vol. 93. Pp. 129–138. DOI: 10.1016/j.envsci.2018.10.015

Aka 2025 — Aka K. Actor-network theory-based applications in sustainability: A systematic literature review // Cleaner Production Letters. 2025. Vol. 8. 100084. DOI: 10.1016/j.cpl.2024.100084

Blanco-Moreno 2024 — Blanco-Moreno A. Inter-regional graduate migration, subjective expectations, and human capital mobility // Regional Science Policy & Practice. 2024. Vol. 16. Is. 10. 100110. DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100110

Haas 2021 — De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9: 8. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4

Delovarova, Sultanmuratov 2023 — Delovarova L., Sultanmuratov N. Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities // DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 71–86. DOI 10.19181/demis.2023.3.3.5.

Donskaya 2020 — Donskaya M. V. Foreign labor migration – needs or threats to Russia's national security? // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 27–31.

Tonkikh E. V. Assessing the impact of migration from Central Asian countries to birth rate in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17. No. 6. Pp. 243–259. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.13

Tonkikh E. V., Peshkova V. M. Birth rate among migrants from Central Asia in Russia: Regional aspect. *Theory and Practice of Social Development*. 2025. No. 1. Pp. 49–56. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5

Wu L. The influence of the labor migration factor on relations between Russia and the countries of Central Asia. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. No. 7. Pp. 277–282. (In Russ.)

Adams H., Kay S. Migration as a human affair: Integrating individual stress thresholds into quantitative models of climate migration. *Environmental Science & Policy*. 2019. Vol. 93. Pp. 129–138. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.envsci.2018.10.015

Aka K. Actor-network theory-based applications in sustainability: A systematic literature review. *Cleaner Production Letters*. 2025. Vol. 8. Article no. 1 00084. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.cpl.2024.100084

Blanco-Moreno A. Inter-regional graduate migration, subjective expectations, and human capital mobility. *Regional Science Policy & Practice*. 2024. Vol. 16. No. 10. Article no. 100110. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.rspp.2024.100110

De Haas H. A theory of migration: The aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9. Article no. 8 (2021). (In Eng.) DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4

Delovarova L., Sultanmuratov N. Migration in Central Asian countries in the context of EEU integration and new international realities. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 71–86. (In Eng.) DOI 10.19181/demis.2023.3.3.5.

Donskaya M. V. Foreign labor migration – needs or threats to Russia's national security? *International Journal of Constitutional and State Law*. 2020. No. 2. Pp. 27–31. (In Eng.)

Klabunde, Willekens 2016 — *Klabunde A., Willekens F.* Decision-Making in Agent-Based Models of Migration: State of the Art and Challenges // *Europen Journal of Population*. 2016. Vol. 32. Pp. 73–97. DOI: 10.1007/s10680-015-9362-0

Law, Singleton 2013 — *Law J., Singleton V.* ANT and Politics: Working in and on the World // *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36 (4). Pp. 485–502. DOI: 10.1007/s11133-013-9263-7

McAuliffe, Oucho 2024 — *McAuliffe M., Oucho L. A.* (eds.). *World Migration Report 2024*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2024. 367 p.

Nagurney 1990 — *Nagurney A. A.* Network Model ag Migration equilibrium with movement costs // *Mathematical and Computer Modelling*. 1990. Vol. 13. Pp. 79–88.

Nagurney et al. 2020 — *Nagurney A., Daniele P., Nagurney L.* Refugee migration networks and regulations: a multiclass, multipath variational inequality // *Journal of Global Optimization*. 2020. Vol. 78. Pp. 627–649. DOI: 10.1007/s10898-020-00936-6

Pitoski et al. 2024 — *Pitoski D., Mestronic A., Schmeets H.* The complex network patterns of human migration at different geographical scales: network science meets regression analysis // *Applied Network Science*. 2024. Vol. 9: 35. DOI: 10.1007/s41109-024-00635-1

Roe 2019 — *Roe P.* Societal Security // *Contemporary Security Studies* / ed. A. Collins. Oxford: University Press, 2019. Pp. 221–235.

Saleem, Raza 2024 — *Saleem Sh., Raza A.* The Discourse on Actor Network Theory // *Journal of Policy Research*. 2024. Vol. 9 (2). Pp. 29–35. DOI: 10.5281/zenodo.8000715

Klabunde A., Willekens F. Decision-making in agent-based models of migration: State of the art and challenges. *European Journal of Population*. 2016. Vol. 32. Pp. 73–97. (In Eng.) DOI 10.1007/s10680-015-9362-0

Law J., Singleton V. ANT and politics: Working in and on the world. *Qualitative Sociology*. 2013. Vol. 36. Pp. 485–502. (In Eng.) DOI: 10.1007/s11133-013-9263-7

McAuliffe M., Oucho L. A. (eds.) *World Migration Report 2024*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2024. 367 p. (In Eng.)

Nagurney A. A network model of migration equilibrium with movement costs. *Mathematical and Computer Modelling*. 1990. Vol. 13. Pp. 79–88. (In Eng.)

Nagurney A., Daniele P., Nagurney L. Refugee migration networks and regulations: A multiclass, multipath variational inequality. *Journal of Global Optimization*. 2020. Vol. 78. Pp. 627–649. (In Eng.) DOI: 10.1007/s10898-020-00936-6

Pitoski D., Mestronic A., Schmeets H. The complex network patterns of human migration at different geographical scales: Network science meets regression analysis. *Applied Network Science*. 2024. Vol. 9. Article no. 35 (2024). (In Eng.) DOI: 10.1007/s41109-024-00635-1

Roe P. Societal security. In: Collins A. (ed.) *Contemporary Security Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2019. Pp. 221–235. (In Eng.)

Saleem Sh., Raza A. The discourse on actor network theory. *Journal of Policy Research*. 2023. Vol. 9. No. 2. Pp. 29–35. (In Eng.) DOI: 10.5281/zenodo.8000715

